

УДК 008+791.43(Культура в целом. Киноискусство)

ЗАИГРЫВАНИЕ С ОБРАЗОМ СМЕРТИ И ЕГО КАРНАВАЛИЗАЦИЯ (ФИЛЬМ РЕНАТЫ ЛИТВИНОВОЙ «ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА РИТЫ»)

© 2016 С.С.Орищенко

Орищенко Светлана Серафимовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры сценической речи и ораторского искусства. E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru

Самарский государственный институт культуры. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 02.02.2016

В фильме «Последняя сказка Риты» Рената Литвинова предстала перед зрителями как сценарист, режиссёр и исполнительница главной роли. Функция Смерти в интерпретации Литвиновой – очаровать пациентку, подружиться с ней, стать её подругой. Метаморфозы Смерти, её привлекательный вид и добрый характер и есть сказка о жизни и смерти. Отношение к смерти в киноискусстве интересует нас в широком культурологическом аспекте.

Ключевые слова: карнавал, маска, метаморфозы, философия, смерть, интерпретация, символ, образ, традиция, ритуал, культура.

Маска смерти закреплена в сознании народов разных культур. Какое многообразие фразеологических оборотов, связанных с этим образом, возникает в языке: «Умрем лишь раз, но это уж надолго. Смерть достаточно близка, чтобы можно было не страшиться жизни. Очередь за смертью никто не занимает, но в очереди стоят все». Узнаваемый облик страшит. Он разрушителен и отталкивающ. Нет среди людей тех, кто был бы рад приближению незваной гостьи. Заигрывание со смертью в русской культуре по традиции возможно лишь при скоплении людей, отсюда известно: «На миру и смерть красна». Вспоминается площадное искусство, когда народ спешит позабавиться на праздник. Одно из любимых – театральное действо. На нём можно увидеть, как солдат или Петрушка побивают старую и побеждают её. Непременно жизнь торжествует над смертью. Этот самообман, очевидно, использовали, чтобы придать себе значимости и силы духа перед встречей с неизвестной гостьей, чтобы свести на нет страх перед будущим.

Вообразить присутствие смерти невозможно без содрогания. Слишком многими символами окружено её появление. Смерть имеет предпочтение в цвете, в запахе, в температуре и беззвучии. Зато у неё нет предпочтений в возрасте, порой она бывает неумолима даже к молодым. Наверное, поэтому в её руках коса, которая не разбирает на поле, какой цветочек лишит жизненных сил. Нежданную гостью окружают ритуалы, сопровождающие человека на смертном одре, они делают её слишком театральной. Отсюда естественность при карнавализации образа

смерти. Культурный код позволяет менять облик в зависимости от обстоятельств её прихода.

«Любой театральный код со сложным набором знаков при разрушении внутренних связей теряет свое полное значение и смысл. Он становится стилизованным знаком (маской маски). Вопрос о правомочности и продуктивности перенесения принципов и приемов, работающих в одной эстетической системе, в другую систему без серьезных потерь остается проблемой и для театра XXI века» [1, с.28].

Все составляющие карнавализации образа смерти в фильме «Последняя сказка Риты» налицо. Р.Литвинова прибегла к метафоре Смерть – Прекрасная Незнакомка. Почти блоковская Дама. Грим, мимика, причёска, костюм, татуировка (её вполне может заменить грубо заштопанный шрам на шее героини), ношение вещей (сумочки в руках Смерти вместо традиционной косы и то оживающий, то костенеющий в руках героини хорёк). Учтены в новом образе вкрадчивый голос, сочувствующий взгляд, желание придти на помощь. Вполне театрально имя – Таня [2] с говорящей фамилией Неубивко. Можно ещё добавить, что героиня прекрасно сложена, молода, привлекательна. То есть создатели фильма смогли в новом образе, скрывающемся за маской, подчеркнуть многоаспектность персонажа, а значит и его многофункциональность. Смерть с человеческим лицом, использующая в своей работе индивидуальный подход. Обречённость народной мудрости: «Что людям, то и нам», – явно не вписывается в её функциональные обязанности.

«Маска – универсальный опыт нашей памяти сознания. Опыт обращается к маске, так как она является понятием очень большим и неопределённым. К тому же разновидностей маски существует очень много. Маска имеет много аспектов» [3, с.16]. Все новые характеристики образа «большие и неопределённые» оправданы. Конечно, мы понимаем, что смерть неотъемлемая часть жизни. Если человеку суждено родиться, то понятно, что первая дата, связанная с его именем, обязательно потянет за собой вторую. Это неизбежность. А если это так, то к чему бояться неизбежного? Если смерть в один прекрасный день всё равно посетит нас, так не лучше ли было бы для нас, если не подружиться с нею, то хотя бы переодеть, развоплотив её привычный, отталкивающий и пугающий образ? Карту сделать более женственной, более красивой, более молодой? Именно эту задачу берётся решить Рената Литвинова в «Последней сказке Риты» – фильме о красивой смерти, посетившей молодую женщину. По утверждению героини, ей интересна душа Риты, потому что она способна любить. Удивительно, что Рената Литвинова причастна к трём «авторским маскам» в этом фильме. Она представила суду зрителей работу сценариста, режиссёра и актёра в одном лице. «Импровизационное самочувствие актёра в маске обуславливается остранением или дистанцией, отделяющей актёра от персонажа, постоянным колебанием и взаимодействием различных слоев психики актёра, которые позволяют соединять одновременно актерский, режиссерский и авторский (взгляд драматурга) подход к решению сценического образа [1, с.34]».

Не случайно вспоминаются поэтические строки в связи с образом Смерти в фильме Р.Литвиновой. Шлейф «духов и туманов» сопровождает образ Татьяны, особенно в те мгновения, когда она переодевается в парадное платье. В целом, Рената Литвинова придала образу Смерти много театральности: «Я люблю цветы и признания». С этим трудно поспорить. Где ещё человек может собрать столько цветов и признаний в любви, как ни на собственных похоронах. «Театр – это одна из форм познания, если можно так сказать. А когда-то античный театр был единственным средством, главным, основополагающим для общества в плане воспитания и формирования гражданской зрелости всего населения» [3, с.81]. Нам важно ещё раз напомнить об этом, чтобы увидеть, что режиссируя, она, моделировала образ, как брехтовский «эффек-

тивный инструмент» и мейерхольдовский «условный знак». Оба они близки карнавальной маске с гротесковым началом, перегруженными «трагическими контрапунктами» [1, с.26]. При этом, если у каждой маски есть свой двойник, не обязательно, чтобы они дополняли друг друга, были синонимичными. Образ Литвиновой, противопоставленный классической старухе с косой, строится на антитезе. Приём не нов. Как известно, активная разработка маски в театре XX века принадлежала Всеволоду Мейерхольду. «Маска в творчестве В.Э.Мейерхольда как условный знак, типологически близка маскарадной маске, отражающей трагизм раздвоенности сознания, двуличия человека и общества» [1, с.26].

Как всё двоится вокруг нас, подтверждая разномыслие мира, так и два образа смерти будут в фильме сменять друг друга. И так, какой образ кажется нам наиболее верным: традиционный или «литвиновский»? Ведь зрители понимают, что здесь карнавальная маска смерти – полностью замещает предшественницу, не оставляя от традиции ничего, что бы их сближало. Возможно, это необходимо создателям фильма, чтобы показать, что смерть – «Это инструмент идентификации, персонификации, атрибут статуса и престижа» [1, с.18].

Обращаясь к образу Смерти, сыгранному Ренатой Литвиновой, необходимо отметить, что Смерть – трудяга. Целыми днями она вынуждена подрабатывать в морге, в больнице, в палате, где лежит Рита. Появление маски в пространстве городской больницы может быть оправдано уже потому, что:

«Маска в современной психологии применяется как один из инструментов эмоциональной разрядки, она как и в древности несет психотерапевтические функции. В современной психотерапии известно применение маски, костюма, бодиарттерапии, скульптурного портретирования или маскотерапии, психотерапевтического грима, ритмопластики, психодрамы и других видов арт-терапии в комплексном лечении пациентов. Существуют методы лечения, в которых практикуется снятие маски с лица больного и затем игры в ней на основе психодрамы. Есть методы, в которых маски отражают самые крайние и болезненные видения больного. Существуют методы, где врач или сам больной создают маску – автопортрет больного [1, с.19]».

По желанию Риты Смерть надевает бальное платье жёлтого цвета, прекрасную шляпку с перьями, маскарадную маску, пьёт с ней шам-

панское, курит, спешит на очередное свидание с неосмотрительными юношами. Ей присесть некогда. Ничто не пугает в её виде, кроме уродливого шрама на шее, который та пытается скрыть от окружающих. Иногда Смерть, словно, притомившись, меняет декорации, появляется то среди леса, то среди работников больницы, то диктует отчёт о проделанной работе на земле в своей «конторе» удивительной сотруднице иного мира с причёской утонувшей Офелии. Позволяет себе передохнуть с заблудившимися душами, насладиться отсутствием цвета, надышаться холодным воздухом. Меняет костюмы, вызывая у окружающих одобрение. Особенно выразительно было платье из перьев чёрных воронов и корона, и мантия. Чёрные вороны и белый снег напоминают экраны с чёрно-белым кино, погружают в состояние дремоты. И здесь уместно вспомнить азы из курса психологии. «Кино – это сон, как правильно сказал основоположник одного из направлений глубинной психологии, психиатр Карл Юнг. Автору очень близко чёрно-белое кино, потому что оно, действительно, похоже на сон» [3, с.87].

Кстати снам в фильме отведено особое место. Кроме того, что два вещих сна о приближающейся трагедии увидела Рита, подопечная Смерти, спала в зимнем парке и подруга Риты – Надя. Её алкогольный сон охраняли вороны. Вещий сон Нади увидели зрители, когда Смерть предоставила ей возможность попросить прощение у Риты за некорректное поведение медиков, которые работали в морге. Если учесть, что сегодня кино способно приходиться в дом гораздо чаще и свободнее, нежели другие виды искусства, то можно предположить, что высказывание доктора искусствования Паолы Волковой верно: «Кино формирует душу и сознание гораздо больше, чем любой другой вид искусства» [3, с.87]. При этом маска помогает «природе двойного перевоплощения, условности» в реализации образа точно так, как отмечено А.Новиковой:

«Маска, исторически имевшая культовое значение, с одной стороны, скрывает лицо человека от окружающих, т.е. является средством защиты и обмана (как это было в средневековых карнавалах). С другой стороны, в ещё более древней традиции маска не столько прятала личность, сколько раскрывала её, представляя характерные черты в их наиболее конкретно «сформулированном» виде» [4, с.67].

Чтобы понять значимость «нового образа» в современном кинематографе необходимо посмотреть на обсуждаемую тему «с точки зрения

широких культурологических подходов, требующих разнообразных гуманитарных знаний». Такой подход, по мнению Лекока, помогает освоению «универсального поэтического ощущения» от ритмов, слов, материалов, цветов, света и пространства». Мастер считает, что маска помогает «выработке чувства стиля, упрощения и прояснения характера». Точно так, как работает Лекок «с большим набором «экспрессивных масок» (масок, закрывающих все лицо), контр-масок (с одновременной игрой двух конфликтных масок – внешней и внутренней» [1, с.36], работает и Рената Литвинова в фильме «Последняя сказка Риты».

Таким образом, работа Ренаты Литвиновой «Последняя сказка Риты» не может не волновать зрителя, поскольку мысли о смерти – это не дань моде, а стремление осознать одну из культурологических тем на современном этапе развития. Это не эксцентрические поиски стиля, а желание истолковать ключевой символ в искусстве. Это не слепое подражание классическим образцам, а оригинальное видение, авторская интерпретация. Это не нагнетание пессимистического настроения, а философское осмысление темы. Если мы всего лишь гости на земле, и возвращение к истокам гарантирует встречу со смертью, то боязнь этой встречи – не логична. Чтобы не бояться, необходимо вообразить новую героиню в таком виде, в котором нет ничего отталкивающего и ужасного. Никто не избежит встречи со смертью. Для создателей фильма важно в этой ситуации, если не успокоить уходящего, то хотя бы помочь не терять ему человеческого лица, уходить с чувством собственного достоинства. Подобный взгляд показан в фильме японского режиссёра Сёхэя Имамуры в «Легенде о Нараяме» [5, с.79–102]. Тема смерти волнует многих представителей искусства, возможно, потому, что она слишком часто вмешивается в судьбы молодых, часто обрывает жизнь, когда кажется, что всё ещё впереди. Смерть страшна, когда трудно понять своё предназначение. Стремление принять данность, примириться с утратой, подготовиться к переходу в мир иной движет теми, кто возвращается к этой насущной теме в искусстве. В заключении хочется сказать о точном наблюдении Карла Кёнига: «Мы не можем наши собственные идеи преобразовать в маски; но мы можем построить образ маски, так, чтобы мы видели её действие» [6, с.94]. На наш взгляд, Ренате Литвиновой в фильме «Последняя сказка Риты» удалось это сделать.

1. Толшин, А.В. Феномен маски в театральной культуре: автореф. дис. .... докт. культурол. СПб., 2007. 40 с. С. 28.
2. Татьяна – устроительница, учредительница, повелительница. Словарь имён. <http://names.neolove.ru/female/18/451.html>
3. Волкова, П. Мост через бездну: в 5 книгах. М., Зебра Е, 2014. Книга 3. С. 16.
4. Новикова, А.А. Телевидение и театр: пересечения закономерностей. М., Едиториал УРСС, 2010. С. 67.
5. Орищенко, С.С. Маски смерти в современном кинематографе: к интерпретации фильмов Кирилла Серебренникова «Измена» и Йодзио Такита «Ушедшие» // Международный информационно-аналитический журнал «Креативная экономика и социальные инновации» Электронное научное периодическое издание, вып. 5, 2015. № 3 (12). С. 79–102.
6. Кёниг, К. Человек в Сампхилл'е (импульс социально-терапевтического деревенского сообщества). Калуга, Духовное познание, 1995. 256 с. С. 94.

ADVANCES WITH IMAGE OF DEATH AND ITS KARNAVALIZATION (RENATA LITVINOVA'S MOVIE "THE LAST FAIRY TALE OF RITA")

© 2016 S.S.Orischenko

*Svetlana S. Orischenko, Candidate of Education, Associate Professor of the Department of Stage Speech and Oratory.
E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru*

Samara State Institute of Culture. Samara, Russia

In her recent film «Rita's Last Fairy Tale», Renata Litvinova shows herself as film director, screenplay author and leading role actress. Renata Letvinova offers to the audience a personified character of Death, on a mission to captivate and lure attention of a patient with terminal illness, to become her friend, be there for her. Metamorphosis of Death are expressed by Death appeal (attractiveness) and pleasant character and should be treated as a Fairy tale of Life and Death. Our main interest lays in the analysis of an attitude to the Death in the contemporary cinematography based on its cultural attributes.

Keywords: carnival, mask, metamorphosis, philosophy, death, interpretation, symbol, image, tradition, ritual, culture.

1. Tolshin, A.V. Fenomen maski v teatral'noi kul'ture: avtoref. dis. .... doktora kul'turologii:24.00.01 / Tolshin, Andrei Valer'evich (Mask phenomenon in theatrical culture: abstract of the thesis .... doctors of cultural science). *SPb., 2007. 40 s. S. 28.*
2. Tat'iana – ustroitel'nitsa, uchreditel'nitsa, povelitel'nitsa. Slovar' imen (Tatyana is an “ustroitel'nitsa”, the founder, the sovereign. Dictionary of names). <http://names.neolove.ru/female/18/451.html>
3. Volkova, P. Most cherez bezdnu: v 5 knigakh (The bridge through a chasm: in 5 books). *M., Zebra E, 2014. Kniga 3. S. 16.*
4. Novikova, A.A. Televidenie i teatr: peresecheniia zakonomernostei (Television and theater: crossings of regularities). *M., Editorial URSS, 2010. S. 67.*
5. Orishchenko, S.S. Maski smerti v sovremennom kinematografe: k interpretatsii fil'mov Kirilla Serebrennikova «Izmena» i Iodziro Takita «Ushedshie» (Death masks in modern cinema: to interpretation of movies of Kirill Serebrennikov "Treason" and Yodziro Takita "Who left"). *Mezhdunarodnyi informatsionno-analiticheskii zhurnal «Kreativnaia ekonomika i sotsial'nye innovatsii» Elektronnoe nauchnoe periodicheskoe izdanie Vypusk 5, 2015. № 3 (12). S. 79–102.*
6. Kenig, K. Chelovek v Samphill'e (impul's sotsial'no-terapevticheskogo derevenskogo soobshchestva) (The person in Camphill'e (an impulse of social and therapeutic rural community)). *Kaluga, Dukhovnoe poznanie, 1995. 256 s. S. 94.*